

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК: ПРИЗВАНИЕ СЛУЖЕНИЯ

Церковнославянский язык есть стабильная система, собирающая духовный опыт и духовную традицию православного *служения*. Причем *служение* в данном контексте понимается нами как особого рода призвание, предназначенность православного человека, народа, культуры к благосозиданию, определяемое промыслительным действием Воли Божией.

Таким образом, язык представляет внутреннюю нераздельность, органическую сущность, в глубине своей отражающую «духовное самосознание народа» в категориях лингвистики. Органическая сущность выявляет положительный потенциал соотношения: преобразование духовного облика народа закрепляется в развитии языковых форм выражения важнейших реалий бытия общечеловеческого и национального целого.

С другой стороны, взаимообусловленность данного соотношения подчеркивается Ф. И. Буслаевым: «Вместе с родным языком мы нечувствительно впитывали в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался» [Буслаев 2005: 88], поэтому пока народ не утратил своего языка, «до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков» [там же].

Язык – средоточие всех уровней духовного развития, выраженного в лингвистических категориях. Таким образом, слово постепенно усиливает свой план содержания за счет ослабления плана выражения, приобретая в этом случае свой истинно духовный облик. В свою очередь духовная наполненность церковнославянского языка позволяет идентифицировать лексическую единицу с теми нравственно-онтологическими идеалами, к которым устремлено Православие. Более того, «не следует забывать, что там, где сохраняется подлинно святоотеческая духовность, происходит совпадение «теории» и

«практики» отождествляются богословие (словесная теория – В.Ш.) и жизнь (словесное деяние. – В.Ш.)» [Георгий 2003: 35], то есть соединение идеального и действительного.

Эту функциональную позицию церковнославянского языка, ядро которого составляет духовная связь с Абсолютом (смыслоразличение определяется предстоянием Богу) можно обозначить как языковое послание призванности, функцию непосредственной обращенности – проповеди. Именно она призывает человека, носителя языка к духовному средоточию слова. Зона потенциальной перспективы языка призвана служить *напоминанием* о духовно-этическом идеале бытия. В этом случае Слово Церкви является живым носителем святости.

Изначальное формирование церковнославянского языка на широком пространстве славянской культурной общности, именуемой Slavia Orthodoxa (православное, или кириллическое славянство), определило его как наднациональный язык, идентифицируемый Православием. Эта же наднациональная персонификация языка метафизически объединила славян в русле общей сакральной истории духовного служения и возрастания. Такое служение человека, народа – результат осознания в качестве основы бытия православных истин, которые сосредоточены в языковой картине мира, в литургическом слове.

Церковнославянское слово призывает к этому служению. В литургическом языке можно обозначить парадигму словонаполнения, выделив в нем вертикаль смыслов. На этой вертикали язык Церкви сосредотачивает область высших смыслов, целеустремленных к Богу и, таким образом, становится ближайшим выразителем Православия. Отсюда становится понятной природа заимствования – перехода в церковнославянский язык слов греческого, болгарского, македонского и др. происхождения, исключительно тех, которые находятся на высшем уровне языковой семантической вертикали. Такой процесс привлечения потенциально продуктивной лексики можно обозначить *углублением аксиологической богосоотносимой природы слова*. Поэтому звучащее литургическое слово становится духовной проповедью: «Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12: 34). Неслучайна такая насыщенность церковнославянского языка корнями: -добр-; -един-; -свят-; -бог-.

Вопрос об альтернативе церковнославянскому языку в православном богослужении также может найти свое единственно возможное решение на фоне присутствия данной вертикали смыслов. В этом случае превалирующим остается то, что церковнославянский язык в своем развитии всегда нес функцию служения, утверждаясь как сакральный. Главным аргументом сторонников национальной дефинированности языка Православной Церкви является доступность и понимание его народом.

Слишком очевидно, что национальная идентификация (русский, сербский, болгарский, украинский и т.д.) православного богослужения, во-первых, снимает изначальное единство звучащего, то есть мирозозидающего Слова Церкви для верующих, во-вторых, нарушает фундаментальное назначение церковнославянского языка – наднациональное объединение во имя Христа, духовная проповедь служения, в третьих, выключает в системе церковнославянского слова лексико-семантический уровень высших категорий. Таким образом, любые дискуссии, касающиеся проблемы выбора языка Церкви, априори непродуктивны и излишни.

Слово – «орган народного самосознания» (М. П. Лобанов), средство постижения и выразимости предстояния Богу. И это, выраженное в звучащем литургическом слове, соборное единение имеет принципиальное и решающее значение. Именно в предстоянии Христу впервые, несмотря на всю сложность и кажущуюся недоступность плана выражения, возникает общее душевно-духовное обретение (ранее недоступного) плана содержания. Слово впервые раскрывается предстоящему в своей функциональной системе категориального ряда как вектор целеустремления, как актуальная перспектива его значений, соединяющая с Абсолютом.

Переход к национальному языку имеет два исхода. В одном случае это намного снизит уровень высших категорий языка, что неминуемо приведет к тем же регрессивным процессам в области духовности. Второй путь такого процесса не сделает язык более доступным по причине возвращения к тем же церковнославянизмам, которым нет аналога в национальном языке. При этом

во втором случае в течение времени область заимствования начнет постепенно редуцироваться и разрушаться взаимодействием и получать стилистически сниженные варианты. В то же время будут происходить разрушения в самой структуре языка: нарушение соотношения между конкретными и абстрактными категориями, разрушение словесной выразительности (символичности, антиномии, знаковости).

«Богослужбный язык Церкви делается вполне понятным и легко доступным всякому, кто решил серьезно отнестись к делу собственного воцерковления, – наставляет Святейший Патриарх Алексий. – А вот если такой серьезности нет, то никакие переводы не увеличат численности людей в храмах».

Звучащее Слово в Церкви всегда было Логосом, сосредотачивающим фундаментальные смыслы поучения, проповеди, единения, славословия, благословения, – и призвано было к выражению Воли Божией. «Абсолютная цель воочеловечивания Слова в том и состоит, чтобы оголосить и обожить человека во всем его существе», – утверждает преп. Иустин (Попович) [Иустин 2005: 135].

Но, прежде всего, Слово в потенциале своего выражения является воплощенным Духом: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»* (Ин. 1: 1–3).

Так проявляется *духовная перспектива слова* – продолжение буквы в жизни духа – *«потому что буква убивает, а дух животворит»* (2 Кор. 3: 6). Слово видится в горизонте сопряженности с живым действием души, в проекции его устремленности к небесному, к Богу. Таким образом, Слово Церкви практически утрачивает свои структурно-системные признаки имманентной ему языковой системы (в то же время в основе системы церковнославянского языка изначально лежали не столько лингвистические законы, сколько фактор наследования ценностей и преемственности традиции), и выражает в большей степени духовно-метафизическое построение языка как текста и высказывания с его четко обозначенной проповеднической, поучительной направленностью. Слово Церкви становится органичным целеустремлением к

совершенствованию, нравственному возрастанию, возвращением к чистоте и святости.

Духовный облик слова – качество выразимости, аксиологической емкости, духовной вместимости, несущее непосредственный проповеднический заряд. «...именно для славян свет веры и свет книги, принятие христианства и обретение письменности совпали во времени. Буквы оказываются Божьим даром и выступают как своего рода *оплотнение* слова» [Топоров 1988: 46]. Такого рода «оплотнение» лексической единицы проявляется по-разному в системе языка как текста.

Церковнославянское слово онтологично в своем выражении. Онтологизм выражается в способности Слова Церкви быть средоточием духовного качества бытия, выражать непосредственные смыслы жизне- и целеустремления, в самостоятельности Слова, его самодостаточности, полноте существования вне контекста. Таким образом, единица лексического уровня церковнославянского языка уже сама по себе высказывание, несущее определяющий «текстовый код» христианского бытия. Слово есть наглядно-осязаемый образ миробытия.

Онтологизм слова – знак его сопричастности вечности. «Оплотнение» Слова выражается в глубине связи с Божественным откровением, в сопричастности Истине. «Истина вообще не есть суждение: она есть качество положенного Богом бытия, соотнесенное с подобным же качеством, постигающим его человеческой мысли. Истину нельзя знать, в ней можно только быть» [Казин 2005: 45].

Литература

1. Буслаев Ф. И. Исцеление языка. Опыт национального самосознания: Работы разных лет. – СПб., 2005.
2. Георгий (Металлинос), протопресв. Святые отцы и практическая деятельность // Церковь и государство: Сб. статей. – М., 2003.
3. Иустин (Попович), преп. Философские пропасти. – 2-е изд., испр. – М., 2005.

4. Казин А. Верующий разум // Основные принципы русской философии. – СПб., 2005.
5. Топоров В. Н. Слово и Премудрость («Логосная структура»): «Проглас» Константина философа // Russian Literature. – Amsterdam, 1988. XXIII–I.

